
МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ

ГОРЕ УМУ:
“ГОРЕ ОТ УМА” В “МЕРТВЫХ ДУШАХ”

© 2012 г. В. Ш. Кривонос

В статье рассматривается интерпретация в “Мертвых душах” тематики и коллизий “Горя от ума”. Специальное внимание уделяется трактовке темы ума в произведениях Гоголя и Грибоедова и в этой связи сопоставлению образа Чичикова с образами Молчалина и Чацкого. Раскрываются особенности осмысления Грибоедовым и Гоголем проблемы ума как экзистенциальной и онтологической.

The article looks at how the author of “Dead Souls” interprets the topics and collisions adopted from “Woe From Wit”. Special attention is paid to Gogol’s and Griboedov’s treatment of “wit” and, by way of consequence, the comparison between the image of Chichikov and the images of Molchalin and Chatsky is offered. There are analyzed Griboedov’s and Gogol’s approaches to the problematic of wit in its existential and ontological dimensions.

Ключевые слова: Грибоедов, Гоголь, творческие контакты, тема ума, горе от ума, горе уму.

Key words: Griboedov, Gogol, creative contacts, the “wit” theme, woe from wit, woes of wit.

Образно-смысловые соприкосновения комедии Грибоедова и произведений Гоголя уже привлекали внимание исследователей, посвятивших специальные работы роли мотивов и образов “Горя от ума” в “Ревизоре” [1, с. 198–209] и генезису темы сумасшествия в “Записках сумасшедшего” [2, с. 193–198]. Отмечены были и отражения “Горя от ума” в “Мертвых душах”; отдельные замечания и наблюдения касались наследования Чичиковым потенциальных свойств Молчалина [3, с. 99–100], характерологической близости этих героев и объясняющих ее биографических и сюжетных параллелей [4, с. 182–183; 5, с. 231], а также мотива сплетни в комедии и в поэме [6, с. 80–83].

В предлагаемой статье речь пойдет о переосмыслении в “Мертвых душах” тематики и коллизий “Горя от ума”, оказавшихся особенно значимыми для художественного замысла Гоголя. Подход, учитывающий, что “чужое художественное творчество” может служить и часто служит для писателя “отправной точкой собственных построений” [7, с. 210], представляется нам наиболее продуктивным для изучения проблемы творческих контактов в историко-литературном процессе.

“Высшее значение” комедии Грибоедова справедливо усматривается «в ее доминирующей теме, в теме “ума”» [8, с. 105]. В “Горе от ума” развиваются и сталкиваются разные представле-

ния об уме, его признаках, свойствах и функциях. Ср.: «...“ум” фамусовского общества – так называемый “практический ум”» [9, с. 56]. Говоря о Молчалине как о “человеке практическом”, критик заметил, что он “умен умом его сферы” [10, с. 507]. Ум Молчалина, человека практического, тоже практический – и проявляется в следовании имеющим для него практическое значение заветам отца:

Мне завещал отец:

Во-первых угождать всем людям без изъятья;
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платье,
Швейцару, дворнику, для избежанья зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была. [11, с. 127]

Чичиков, в ком рано обнаружился “большой ум... со стороны практической”, усвоил, подобно Молчалину, заронившееся “глубоко ему в душу” отцовское «умное наставление: “больше всего угождай учителям и начальникам”» и “больше всего береги и копи копейку” [12, с. 225]. И тоже следует ему на практике. Угождает он не всем и уж точно не *собаке дворника*, отличаясь умением постигнуть “дух начальника” и сообразить, “в чем должно состоять поведение” [12, с. 227]. Было отмечено, что “молчалинство – лишь его молодость, русская жизнь вырабатывала в Чичикове новый тип” [4, с. 183]. Ср. также: “Трудно представить грибоедовского героя ринувшимся в аферу с мертвыми душами” [5, с. 231]. Молчалинство между

тем – это стиль поведения, свойственный Чичикову не только в его молодости; дело тут не в простой способности *угождать*, отнюдь не утраченной Чичиковым и позднее, а в умении каждый раз вновь приспособиться к новым обстоятельствам и извлечь из них для себя выгоду. В этом смысле афера с мертвыми душами молчалинскому стилю поведения не противоречит.

Доказано, что «портретность» персонажей «Горя от ума», представляющаяся очевидной, «весьма условна» [13, с. 63]. Условна и историческая локализация молчалинского типа, не замкнутого в строго определенных хронологических рамках. Кс. Полевой писал в 1833 г.: «Всякий век имеет своих Молчалиных, но в наше время они точно таковы, как Молчалин “Горя от ума”. <...> Осмотритесь: вы окружены Молчалиными» [14, с. 479]. Молчалин, как подчеркивал П.А. Каратыгин в споре с театральными рецензентами¹, “человек еще очень молодой” [15, с. 166]. Но и Чичиков был “юношей довольно заманчивой наружности” [12, с. 227] прежде, чем оказался таким, каким он показан в поэме, то есть господином “средних лет и осмотрительно-охлажденного характера” [12, с. 92–93]. “Мертвые души” и “Горе от ума” разделяет временная дистанция почти в двадцать лет, что, однако, не мешает Чичикову и Молчалину оставаться современниками – и не только потому, что изображенный Гоголем мир «с точки зрения реально-исторического времени “растянут” между 10–30-ми гг. XIX столетия» [16, с. 192]. Избранные Грибоедовским и гоголевским героями способы самоутверждения обнажают их принадлежность по психологическому складу к слою людей 1820–1830-х годов, кто выбивался “из грязи в князи” и стремился стать частью так называемой “новой знати” [17, с. 152].

Указывая на молчалинское в Чичикове, важно обратить внимание и на чичиковское в Молчалине. Чичиков, по авторскому определению, “хозяин, приобретатель” [12, с. 241]. Но и Молчалин в своем роде тоже *приобретатель*; предметом приобретения служат для него чины, связи, знакомства, словом, все то, что может помочь ему сделать чиновничью карьеру. Дела и поступки Чичикова, связанные с приобретением, которое “вина всего”, автор относит к категории “не очень чистых” [12, с. 242], причем не только и даже не столько в юридическом, сколько в нравственном смысле. Поведение Молчалина также не отличается нравственной чистотой.

Чацкий, пытаясь понять, не влюблена ли Софья в Молчалина, не хочет верить, что тот может быть ей *мил*:

Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее создание!
Уж разве поумнел?.. [11, с. 62]

И Молчалин оправдывает это предположение, когда жалеет и вразумляет Чацкого, которому “не дались чины”, что надо “хоть раз бы съездить” к влиятельной московской даме, Татьяне Юрьевне:

Так: частенько там
Мы покровительство находим, где не метим.
[11, с. 72]

Секретарь Фамусова, как выясняется, действительно *поумнел*, но не в том смысле, какой вкладывает в это слово Чацкий. Если раньше, в юности, он и в самом деле выглядел глупым, запомнившись Чацкому пристрастием к списыванию *новеньких песенок* и *бессловесностью* [11, с. 27], то теперь, озабоченный карьерой, глупым он лишь прикидывается, но таковым себя вовсе не считает:

Молчалин

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребята;
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других, ...

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы меньших. [11, с. 74]

Молчалину, как подсказывает ему его практический ум, выгодно казаться *бессловесным*, словно у него отсутствует собственный разум; ведь для него это прямой путь к *степеням известным* [11, с. 27]. Чацкий лишь “раз в жизни” [11, с. 64] притворяется, чтобы узнать, кого действительно любит Софья; для Молчалина притворная глупость – норма поведения и результат выбора. Такой же, как и роль “друга”, застенчивого и робкого, потому что “в бедности рожден” [11, с. 15], роль, отвечающая ожиданиям сентиментально настроенной Софьи:

И вот любовника я принимаю вид
В угодность дочери такого человека...
[11, с. 127]

Молчалин *принимает вид*, “чтобы не быть отлученным от выгодного места, обеспечивающего

¹ Речь идет о постановке в 1830 г. двух действий “Горя от ума”.

необходимые для дальнейшей карьеры связи...» [8, с. 246]. Ср. с поведением Чичикова, притворившегося влюбленным в дочку старого понытчика, чтобы получить “открывшееся вакантное место”, после чего “о свадьбе так дело и замялось, как будто вовсе ничего не происходило” [12, с. 230]. Чичиков, действуя “почти по-молчалински” [8, с. 248] в иной, чем фамусовская, среде, обходится без сентиментальных излишеств и просто надувает своего покровителя.

Фамусов, застав Молчалина в ранний час с Софьей, напоминает о благодеяниях, о которых тому не следует забывать:

Безродного пригрел и ввел в мое семейство,
Дал чин ассесора и взял в секретари;
В Москву переведен через мое содействие;
И будь не я, коптел бы ты в Твери. [11, с. 14]

Молчалин понимает, что он чужой в мире, где все *родня*, но которым он рассчитывает “ловко овладеть со временем” [10, с. 507]. Полагаться же ему приходится исключительно на собственные *таланты*, служащие атрибутами его практического ума:

Умеренность и аккуратность. [11, с. 71]

Молчалинские *умеренность и аккуратность* и имел в виду Фамусов, объясняя Скалозубу, почему секретарем у него *безродный*:

Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что деловой. [11, с. 42]

Софья, когда берет “под защиту” Молчалина в разговоре с Чацким, считает, что оценивает его человеческие качества, однако речь идет о качествах *деловых*:

Смотрите, дружбу всех он в доме приобрел...
[11, с. 66]

Отличающий Молчалина “ум” хоть и не “скор” и не “блестящ”, как у Чацкого, но зато, убеждена Софья, “семейство осчастливит” [11, с. 67]. На характеристику Молчалина влияет его умение казаться таким, каким он видится Софье в ее сентиментальном по содержанию сновидении:

...и вкрадчив, и умен,
Но робок... [11, с. 15]

Чичиков не занимается самоуничижением, когда благодарит Манилова за “услугу”, оказанную “человеку без племени и роду” [12, с. 36]. Не имея “протекции” и получив после училища “ничтожное” *местечко*, “решился он жарко заняться службою, всё победить и преодолеть”, чтобы вести затем “жизнь во всех довольствах” [12, с. 228]. Ср. совет, который дает Чацкому

Молчалин, выдавая собственное сокровенное желание:

Ну, право, что бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать и весело пожить? [11, с. 73]

Подобно Молчалину, Чичиков тоже *безродный* – и тоже *деловой*: свойственные ему “приятность в оборотах и поступках и бойкость в деловых делах” позволяют ему стать “человеком заметным” [12, с. 230]. Не чуждо Чичикову, который “сильно заботился о своих потомках”, и желание *осчастливить* будущее семейство, почему и мучают его угрызения совести, что может не оставить детям “никакого состояния” [12, с. 238]. Осуществляя план приобретения *мертвых*, он старается “расположить к себе, чтобы, если можно, более дружбою, а не покупкою приобрести мужиков” [12, с. 241]. То есть ведет себя даже не почти, а совсем по-молчалински, именно так, как диктует ему его *большой ум – ум со стороны практической*.

Чичиков между тем проецируется Гоголем не только на Молчалина, но и на Чацкого. Параллель ‘Чичиков – Чацкий’ может показаться не просто неожиданной, но парадоксальной, но она обоснована мотивными переключками и сюжетными аналогиями и не менее важна для понимания трактовки Гоголем грибоедовской темы ума, чем параллель ‘Чичиков – Молчалин’. Представая как “инверсия Дон Кихота”, что освещает “всю ситуацию поэмы неожиданным светом” [18, с. 480] (генетическая связь между образами Чичикова и Дон Кихота прослежена – с опорой на литературу вопроса – в кн. [19, с. 75–77]), Чичиков является и инверсированным подобием высокого героя “Горя от ума”.

Чацкий, если бы захотел, мог бы сделать успешную служебную карьеру, поскольку обладает необходимыми для этого качествами:

Фамусов

Не служит, то есть в том он пользы не находит,
Но захоти: так был бы деловой.
Жаль, очень жаль, он малый с головой;
И славно пишет, переводит.
Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом...

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
И похвалы мне ваши досаждают.

Фамусов

Не я один, все также осуждают. [11, с. 47]

Молчалин, как определяет его Фамусов, *деловой*; Чацкий *был бы деловой*, тем более что наделен *эдаким умом*. Проблема только в одном: Чацкий не желает быть как *все*.

Ср. с Чичиковым, который сердится на “несправедливость судьбы” и недоумевает, почему “беда” обрушилась именно на него: “Кто ж зевает теперь на должности? – все приобретают” [12, с. 238]. Чичиков тоже *малый с головой*: “И вот таким образом составилась в голове нашего героя сей странный сюжет, за который, не знаю, будут ли благодарны ему читатели, а уж как благодарен автор, так и выразить трудно. Ибо, что ни говори, не приди в голову Чичикова эта мысль, не явилась бы на свет сия поэма” [12, с. 240]. Однако, в отличие от Чацкого, он, будучи весьма ловким в *деловых делах*, стремится поступать как *все*, хотя и не всегда в этом преуспевает.

Называя других персонажей *глупцами*, Чацкий не щадит и собственное самолюбие, когда признается Софье:

...а разве нет времен,
Что я Молчалина глупее? [11, с. 27]

Он и в самом деле оказывается *Молчалина глупее*, когда позволяет себе обманываться насчет подлинных чувств Софьи:

Слепец! я в ком искал награду всех трудов!
Спешил!.. летел! дрожал!
вот счастье, думал, близко...
[11, с. 132].

Чичиков бранит себя за то, что опрометчиво доверился Ноздреву, решив, что “у него даром можно кое-что выпросить” [12, с. 69], и слишком поздно прислушался к доводам своего практического ума: «“Просто, дурак я!” – говорил он сам себе» [12, с. 82]. Потому и бранит, что *дураком* он себя, как показывает его реакция на предложение Собакевича, вовсе не считает: «“Что он, в самом деле”, подумал про себя Чичиков: “за дурака, что ли, принимает меня”...» [12, с. 103]. И привычно рассчитывает на свое умение использовать “все тонкие извороты ума, уже слишком опытного, слишком знающего хорошо людей” [12, с. 237].

Ап. Григорьев, говоря об исполнителях роли Чацкого, утрировавших его характер, подчеркивал, что грибоедовский герой “образованный человек, ни на шаг не отступающий от светских приличий” [20, с. 39]. Чичиков, стремясь произвести выгодное впечатление, лишь имитирует поведение светского человека: “...отпущено было в зеркало несколько поклонов в сопровождении неясных звуков, отчасти похожих на французские, хотя по-французски Чичиков не знал вовсе” [12, с. 161]. Пародийной имитацией отмечены и другие его поступки, в которых можно усмотреть аналогию с поступками Чацкого.

Чацкий ссорится с обществом, с которым связан “рождением и воспитанием”, однако “выше его умом и сердцем” [20, с. 39]. Рисуя иронический портрет *французика из Бордо*, нашедшего в России *свою провинцию*, он гневно критикует

нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражанья...
[11, с. 105]

К обличительной риторике прибегает и Чичиков, понося бал у губернатора: “дрянь бал, не в русском духе, не в русской натуре” [12, с. 174]. Предметом его раздражения тоже как будто становится *рабское, слепое подражанье*: “Всё из обезьянства, всё из обезьянства! Что француз в сорок лет такой же ребенок, каким был и в пятнадцать, так вот давай же и мы!” [12, с. 175]. Но настоящей причиной огорчения было “нерасположение тех самых, которых он не уважал и насчет которых отзывался резко, понося их суетность и наряды” [12, с. 175]. Потому что *умом и сердцем* Чичиков не выше своего окружения.

Софья так характеризует Чацкого до его возвращения в Москву:

Остер, умен, красноречив,
В друзьях особенно счастлив.
Вот об себе задумал он высоко...
Охота странствовать напала на него... [11, с. 20]

Чичикову тоже красноречия не занимать, хотя и особого рода: “очень искусно умел польстить каждому” [12, с. 12]; он и *остер* по-своему: если и спорил, то “как-то чрезвычайно искусно, так что все видели, что он спорил, а между тем приятно спорил” [12, с. 16]. И *в друзьях*, если это нужные для дела люди, он *особенно счастлив*: “Все чиновники были довольны приездом нового лица” [12, с. 18]. О себе он, будучи *умен*, тоже *задумал высоко*: “Конечно, трудно, хлопотливо, страшно, чтобы как-нибудь еще не досталось, чтобы не вывести из этого истории. Ну, да ведь дан же человеку на что-нибудь ум” [12, с. 240]. Вот почему и на него напала *охота странствовать*: влекомый планом закупить “всех этих, которые вымерли” [12, с. 240], принялся он развезжать “по своим надобностям” [12, с. 10].

Чацкий “видит мир в его идеологических, а не бытовых проявлениях” [21, с. 338]. И бывает, что “совершенно не в состоянии оценить ситуацию, когда она касается его самого” [22, с. 82], например, не верит в любовь Софьи к Молчалину, бросая в разговоре с ней реплики *в сторону*: “Она его не уважает”; “Она не ставит в грош его”; “Шалит, она его не любит” [11, с. 67–68]. Зато его ум способен порождать новые идеи, несущие в себе универсальное нравственное содержание.

Что касается ума Чичикова, целиком погруженного в сферу быта и далекого от мира идей, то он весьма изобретателен по части новых *мыслей* и в этом плане оказывается близок уму Чацкого. Но если Чацкий “не только умнее всех прочих лиц, но и положительно умен” [23, с. 13], то умственные способности Чичикова, преследующего исключительно собственную выгоду, ограничены отрицательным содержанием его *мыслей*.

Изначально в уме Чацкого не сомневается ни Фамусов, ни Софья, ни кто-либо иной из персонажей комедии; неприятие вызывают свойства его ума (чересчур *остер* и слишком *красноречив*), что и провоцирует развитие сплетни, превратившей того, кто *умен*, в безумного:

София

Он не в своем уме.

Г. Н.

Ужли с ума сошел? [11, с. 92]

Хлестова

В его лета с ума спрыгнул! [11, с. 100]

Загорецкий

А вы заметили, что он

В уме сурьезно поврежден? [11, с. 119]

Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошел?

Скажи сурьезно:

Безумный! что он тут за чепуху молот! [11, с. 134]

Если глупость говорит об отсутствии ума, то безумие есть “определенное состояние ума, его трансформация” [24, с. 225–226]. Не отказывая Чацкому в уме, сплетня указывает на его качественную трансформацию (своего рода смену ума: *не в своем уме*) и новое состояние, зафиксированное в образной картинке: *с ума сошел*.

Ю.Н. Тынянов выдумку о сумасшествии Чацкого объясняет связью “между безумием и любовью к женщине”, которая в грибоедовскую эпоху все еще “казалась само собой разумеющейся” [25, с. 354]. Превращаясь в клевету на Чацкого, запущенную Софьей, выдумка демонстрирует характерную для изображенного Грибоедовым мира “власть женщин” [25, с. 375], которая и раскрывается в сюжете комедии.

В городе NN тоже установился “женский режим” [25, с. 376], служащий пародийным отражением отношений персонажей в фамусовской Москве. Дамы, которым “совершенно не понравилось” [12, с. 170], как обошелся с ними Чичиков на балу у губернатора, сумасшедшим его,

правда, не объявляют, но приписывают ему замысел “увезти губернаторскую дочку” [12, с. 185], выглядящий вполне безумным, если учесть, что он не был похож на “человека с буйными поступками” [12, с. 199]. Тема ложного безумия вплетается в сюжет поэмы и выходит на поверхность, когда, пораженный странно изменившимся отношением к нему со стороны чиновников, напуганных слухами и не желавших его более принимать, Чичиков никак не мог “решить, он ли сошел с ума, чиновники ли потеряли голову” [12, с. 213].

Чацкий любит Софью – и ведет себя, как влюбленный, почему кажется и смешным, и странным:

Я странен, а не странен кто ж?

Тот, кто на всех глупцов похож;

Молчалин например... [11, с. 64]

В “Мертвых душах” дело ограничивается “пародией на любовную интригу” [26, с. 116]. Чичиков принадлежит к господам “такого рода”, которые вряд ли “способны были к любви”, но встреча с губернаторской дочкой неожиданно пробудила в нем “что-то такое странное, что-то в таком роде, чего он сам не мог себе объяснить” [12, с. 169]. Между тем новость “про увоз губернаторской дочки”, сообщенная ему (вместе с другими касающимися его слухами) Ноздревым, навела на Чичикова “порядочный испуг”, вызвав желание не “мешкать более” и “убираться поскорей” [12, с. 215].

Влюбленному Чацкому присущи определяющие его поведение “страсть”, “чувство”, “пылкость” [11, с. 64]. Он не только умен, но и представляет собою “натуру в высшей степени страстную” [27, с. 168]. У Чичикова, внезапно выбитого из колеи встречей с “занимательной блондинкой” [12, с. 168], действительно “сердчишко прихрамывает”, как подшучивают над ним “почтмейстер, и председатель, и даже сам полицеймейстер” [12, с. 173], но по-настоящему владеет им только страсть к приобретению. Его вынужденный отъезд в конце поэмы так же не похож на добровольное бегство Чацкого в финале комедии, как *порядочный испуг* плута на *оскорбленное чувство* [11, с. 134] влюбленного идеалиста.

По мнению Н.К. Пиксанова, в первоначальном замысле комедии, озаглавленной “Горе уму”, “предполагалось придать сценическому конфликту не местный, бытовой и современный, но более общий, быть может даже философский характер” [28, с. 303]. Изменив название на “Горе от ума”, Грибоедов по-иному расставил сюжетно-тематические акценты, но это не сказалось на

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

трактовке им самой проблемы ума, которую он понимает не только как социально-бытовую, но и как философскую. Способность независимо и свободно мыслить связывает Чацкого с просветительской традицией, сформировавшей представление о служении истине и законам разума (см.: [8, с. 103]). В известном смысле Чацкий родствен и мыслящему человеку Паскаля, сохраняющему величие и достоинство в трагической ситуации поражения.

В биографической истории Чичикова, рассказанной автором в последней главе поэмы, и в его жизненном сюжете каждый раз повторяется ситуация горя уму: герой на пути к приобретению вновь и вновь терпит житейское поражение и вынужден все начинать сначала. Речь идет о горе практическому уму, за пределы которого не может выйти гоголевский приобретатель, не сознающий причины настигающих его “бедствий” [12, с. 238]. Гоголь, подобно Грибоедову, осмысливает и решает проблему ума как экзистенциальную и онтологическую, но следует он не философской, а религиозно-нравственной традиции.

Вот как характеризует Гоголь состояние “человека века” в “Выбранных местах из переписки с друзьями”: “Ничему и ни во что он не верит; только верит в один ум свой. Чего не видит его ум, того для него нет” [29, с. 414]. Чичиков, тоже человек века, полагается исключительно на свой ум, но ум его видит только то, что отвечает целям приобретения, почему герой и пускается в аферу с мертвыми душами, когда его “осенила вдохновеннейшая мысль, какая когда-либо приходила в человеческую голову” [12, с. 239]. Именно такого рода ум, не способный различать добро и зло, и был назван *превратным*, отличающим тех, кто “заменили истину Божию ложью” (Рим 1: 25). Ср. призыв: “...И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная” (Рим 12: 2).

Говоря о возможном происхождении страсти Чичикова и предвещая, почему “в холодном его существовании заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес”, автор относит ее к тем страстям, “которых избранье не от человека” и которые вызваны “для неведомого человеком блага” [12, с. 242]. К неведомому Чичикову благу влекут его и поражения его ума, который гоголевскому герою в намеченной автором перспективе предстоит *обновить* и изменить.

1. *Лебедева О.Б.* Мотивы и образы “Горя от ума” в комедии Н.В. Гоголя “Ревизор” // Пушкин и другие: Сб. ст. к 60-летию проф. С.А. Фомичёва. Новгород, 1997.
2. *Данилевский А.* “Записки сумасшедшего” и “Горе от ума”: проблема генезиса // Пограничные феномены культуры: Перевод. Диалог. Семиосфера. Таллинн, 2011.
3. *Медведева И.Н.* “Горе от ума” А.С. Грибоедова. 2-е изд. М., 1974.
4. *Фомичёв С.А.* Комедия А.С. Грибоедова “Горе от ума”: Комментарий. М., 1983.
5. *Меццержаков В.П.* А.С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие (XIX–начало XX в.). Л., 1983.
6. *Смирнова Е.А.* Поэма Гоголя “Мертвые души”. Л., 1987.
7. *Бем А.Л.* “Скупой рыцарь” Пушкина в творчестве Достоевского (Схождения и расхождения) // Пушкинский сборник. Прага, 1929.
8. *Фомичёв С.А.* Грибоедовская энциклопедия. СПб., 2007.
9. *Ильёв С.П.* “Ум” и “горе” в комедии Грибоедова // Проблемы творчества А.С. Грибоедова. Смоленск, 1994.
10. *Григорьев Ап.* По поводу нового издания старой вещи. “Горе от ума”. СПб., 1862 // *Григорьев Ап.* Литературная критика. М., 1967.
11. *Грибоедов А.С.* Горе от ума. 2-е изд., доп. М., 1987 (Серия “Литературные памятники”).
12. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. VI. [М.; Л.], 1951.
13. *Гершензон М.О.* Грибоедовская Москва // *Гершензон М.О.* Грибоедовская Москва; *П.Я. Чаадаев;* Очерки прошлого. М., 1989.
14. *Полевой Кс.А.* “Горе от ума” // Полевой Н.А., Полевой Кс.А. Литературная критика. Л., 1990.
15. *Каратыгин П.А.* Записки. Л., 1970.
16. *Беспрозванный В., Пермяков Е.* Из комментариев к первому тому “Мертвых душ” // Тартуские тетради. М., 2005.
17. *Гуревич А.М.* Сокровенные смыслы. Статьи о Пушкине (1984–2011). М., 2011.
18. *Мани Ю.В.* Галерея “наставников-пиитов” в “Мертвых душах” (Из комментариев к поэме) // *Мани Ю.В.* Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб., 2007.
19. *Багно В.* “Дон Кихот” в России и русское донкихотство. СПб., 2009.
20. *Григорьев А.А.* Александринский театр. [“Горе от ума”] // *Григорьев А.А.* Театральная критика. Л., 1985.

21. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века). СПб., 1994.
22. *Корман Б.О.* Конфликт, герой и автор в комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума” // *Корман Б.О.* Избранные труды. История русской литературы. Ижевск, 2008.
23. *Гончаров И.А.* “Мильон терзаний” (Критический этюд) // *Гончаров И.А.* Собр. соч. В 8 т. Т. VII. М., 1955.
24. *Агапкина Т., Белова О.* Категории УМ и БЕЗУМИЕ в народной традиции славян // *Мудрость, правед-*
ность, святость в славянской и еврейской культур-
ной традиции. М., 2011.
25. *Тынянов Ю.Н.* Сюжет “Горя от ума” // *Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники. М., 1969.
26. *Гиппиус В.В.* Гоголь // *Гиппиус В.* Гоголь; *Зеньковский В.* Н.В. Гоголь. СПб., 1994.
27. *Мейерхольд В.Э.* “Горе уму” (первая сценическая редакция) // *Мейерхольд В.Э.* Статьи, письма, беседы, речи: В 2 ч. Ч. 2. М., 1968.
28. *Пиксанов Н.К.* Творческая история “Горя от ума”. М., 1971.
29. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. VIII. [М.; Л.], 1952.